УДК 81'37=511.142+159.9

DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-2-245-253

Образ человека труда в рассказе Г. Д. Лазарева «Сорненг тов»

А. Д. Каксин

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация,
adkaksin@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматриваются средства хантыйского языка, призванные полно и адекватно описать человека, желающего и способного трудиться на общее благо.

Цель: исследовать и описать функционально-семантический и прагматический потенциал слов, фразеологизмов, синтаксических конструкций в высказываниях и текстах о человеке, занятом общественно полезным трудом.

Материалы исследования: материалом исследования послужил текст литературного авторского произведения – рассказа Г. Д. Лазарева «Сорненг тов».

Результаты исследования и научная новизна. Результатом исследования является таксономия средств хантыйского языка, отвечающих свойствам ясности, точности и выразительности, и в силу этого активно употребляемых в высказываниях и текстах о человеке труда. В статье подтверждается концепция естественного отбора (носителем языка) наиболее подходящих средств при наличии понятной и твёрдой цели, идеи высказывания. Показано, что лексические единицы и синтаксические конструкции, прежде других «причастные» к полному и яркому выражению той или иной идеи, видятся таковыми именно в составе предложения и текста. Показано также, что возможность осознания идеи высказывания (или текста) напрямую зависит от точности и выразительности средств, использованных автором.

Научная новизна заключается в выявлении прагматических элементов текста, выполняющих решающую роль для выражения концептуальных смыслов, а также в установлении закономерности связи между целью высказывания и характером текста.

Ключевые слова: образ человека, репрезентация, языковые средства, высказывание, текст, идейное содержание, хантыйский язык.

Благодарности: Работа выполнена в рамках проекта РФФИ №19-012-00080 «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)». Автор благодарен рецензентам, чьи комментарии позволили исправить фактические неточности и улучшить качество текста.

Для цитирования: Каксин А. Д. Образ человека труда в рассказе Г. Д. Лазарева «Сорненг тов» // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 245–253.

The image of a working person in the story by G. D. Lazarev «Sorneng Tov»

A. D. Kaksin

*Katanov State University of Khakassia,
Abakan, Russian Federation,
adkaksin@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article considers the means of the Khanty language, designed to fully and adequately describe a person who wants and is able to work for the common good.

Objective: to explore and describe the functional-semantic and pragmatic potential of words, phraseological turns and syntax constructs in statements and texts about a person engaged in socially useful work.

Research materials: the text of the literary author's work – the story by G. D. Lazarev «Sorneng Tov».

Results and novelty of the research: the result of the study is a selection of Khanty language tools that meet the properties of clarity, accuracy and expressiveness, and therefore actively used in statements and texts about the person of labor. The article reaffirms the concept of natural selection (by the speaker of the language) of the most suitable means if there is an understandable and firm goal, the idea of speech. It is shown that lexical units

and syntax constructs, first of all “involved” in the full and bright expression of an idea, are seen as such in the composition of the sentence and text. It is also shown that the possibility of awareness of the idea of speech (or text) depends directly on the accuracy and expressiveness of the means used by the author.

The scientific novelty consists in identifying the pragmatic elements of the text that play a decisive role in expressing conceptual meanings, as well as in establishing the regularity of the relationship between the purpose of the statement and the nature of the text.

Key words: image of a person, representation, language means, statement, text, ideological content, Khanty language.

Acknowledgements: the work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-012-00080 “Cognitive and ideographic aspects of reconstruction of an image of the person according to languages of indigenous people of Siberia (on the example of the Khakass, Buryat and Khanty languages)”. The author is grateful to the reviewers whose comments have helped to correct factual inaccuracies and improve the quality of the text.

For citation: Kaksin A. D The image of a working person in the story by G. D. Lazarev «Sorneng Tov» // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (2): 245–253.

Введение

Тема нашего исследования – реконструкция образа человека по данным языка – включает в себе множество аспектов (разделов). В данной статье описываются средства хантыйского языка, имеющие значительный потенциал для характеристики человека-труженика. Речь будет идти преимущественно о письменных текстах, поскольку именно в них фиксируются все необходимые выразительные средства, и они являются источником знаний, мудрых мыслей; описанное в них является предметом размышлений вдумчивого читателя. Эту связь очень точно обозначила профессор М. И. Черемисина, когда писала о богатстве выразительных средств в языках народов Сибири: «Все эти средства выражения мыслей и чувств проснутся, если придёт на них спрос. ... Чтобы он пришёл, должен сложиться сильный отряд писателей и поэтов. А он не складывается, если не сложился читатель. А для того, чтобы сложились читательские круги, кроме созданных писателями текстов, ... нужно также умение читать, думать над прочитанным, соотносить с жизнью» [23, 7].

Теоретическая значимость данного исследования заключается в обосновании связи между идеей высказывания (или текста) и набором использованных средств, т. е. той языковой формой, в которой идея воплощена. Предшествующие работы данного направления касались частных вопросов специфики текстов: то ли разных по жанру (или стилю), то ли содержащих видимые черты, связанные с той или иной этнической культурой. О первом направлении подробнее скажем ниже; здесь укажем только на наличие множества статей, посвящённых отражению в языке специфики мировидения и особенностей нацио-

нального характера [5, 46–48; 11, 44–47; 14; 17; 18; 19, 311–315]. В последнее время лингвисты также часто анализируют отдельные языковые единицы, имеющие отношение к особенностям формального выражения универсальных категорий, к примеру, пространственных, атрибутивных отношений, субъективной модальности или важных, знаковых концептов [1, 19–26; 4; 6; 12, 196–221; 20; 22; 24; 25].

В данной работе, за недостатком её объёма, мы в очень малой степени рассматриваем подобные связи и отношения; говорим, прежде всего, о стилистике текста (или отдельных его фрагментов), а также о возможностях реализации в тексте семантики слова, особенно – многозначного [2, 423–424; 21, 31]. В большей мере нас интересует обеспечение единства идейного содержания и языковой формы. Исходя из такой задачи, всецело поддерживаем то обоснование актуализации социолингвистической проблематики, которое предложено А. А. Кибриком: «Язык не является просто структурным объектом, это средство социального взаимодействия, и без признания данного факта понять природу языка нельзя» [7, 13].

Таким образом, наш подход предполагает исследование не столько отдельных слов и конструкций, сколько возможностей их взаимодействия в тексте для выражения его идейной направленности. При этом важно показать, что идея не подыскивается, никаким образом не навязывается тексту, а органически вытекает из него самого.

Материалы и методы

Материалом для предварительного анализа послужили данные словарей хантыйского языка и тексты (разного объёма, жанра и стиля). Список

рассмотренных нами источников в целом совпадает с перечнем, приведённым в одном из словарей последнего времени [3, 205–206]. Семантика базовой лексики о человеке труда проверена по диалектологическому словарю В. Штейница [30], тематическому словарю казымского диалекта [10] и по тексту рассказов А. М. Сенгепова [16].

С целью выявить прагматический (т. е. обусловленный идеей) функционал языковых средств мы обращаемся к тексту рассказа «Сорненг тов». Произведение Г. Д. Лазарева привлекает тем, что в нём автору удалось отобразить содержательную сторону одного из ярких, аутентичных концептов, связанных с жизнью хантыйского этноса (именно – концепта «человек труда»). Данный текст – небольшой, но в нём имеется достаточно много фрагментов, содержащих характеристику человека, занятого ежедневным трудом. В процессе анализа рассматриваются лексические и синтаксические единицы, способствующие вербализации искомой идеи.

Методами исследования являются лингвистический анализ текста и описательный: по результатам анализа текста на хантыйском языке описываются наиболее яркие средства, способствующие выражению идеи о человеке-ханты – человеке-рыбаке.

Результаты

Системность организации всего текста можно видеть в разной стилистике отдельных его частей: отчётливо выделяются собственно повествование (нейтральное по стилю), фрагменты, где “преобладает” автор (здесь возможно рассуждение), и диалоги (реплики в которых приближены к стилю обычной речи носителей). Начинается рассказ с представления трёх главных героев – старого рыбака Михаила Остина, его сына Петра и внука Сантара. Взаимоотношения деда и внука характеризуются здесь непосредственно автором:

Сантар акел шеңк мосман тайсаллэ. Лын така лэхсаңа вэсңан. Луң артн Сантар акелн хул велтаса тэтьлясы. Тал артн пирась ики хилэл ай эхалн верантсаллэ, нётасас лувела лов варас эвалт пойтэк велты лыс сэвты. Хэн акел хув мар хул велтас эвалт а́нт юхтылас, Сантар тыше-мас [13, 6] ‘Сантар был очень привязан к деду. Они крепко дружили. Летом дед брал Сантара вместе с собой на рыбный промысел. Зимой старик изготавливал для внука небольшие нарты, помогал ему плести из прутьев силки на куропаток.

Когда дедушка долго не приезжал с промысла, Сантар грустил’.

Здесь в единое целое объединены конструкции с глаголами эмоционального поведения (*мосман тай-* ‘родниться с кем-либо, быть привязанным к кому-либо’, *лэхсаңа вэ-* ‘быть друзьями, жить дружно’, *тышема-* ‘грустно вздыхать, грустить’) и глаголами физического действия (*тэтьля-* ‘таскать, брать с собой’, *верант-* ‘изготавливать’, *нёт-* ‘помогать’, *сэв-* ‘плести’, *а́нт юхтыла-* ‘не приезжать’). Глаголы эмоции в хантыйском языке являются многозначными, но здесь, при характеристике отношений деда и внука, приобретают единственное точное значение.

Далее следует реплика одного из героев (отца мальчика), и она также представляет собой характеристику, но только одного деда:

– *Омасты а́нт ханл пирась ики, йиңк пелка питум вуш эвалт малңат, вэрет, юханат, пуслат хуват таласыйл. Мет мулты колхоз ёх лув тум-пел планэл а́нт тарматлэл?* [13, 6] ‘Не сидится на одном месте старому. Как открылась вода, всё по разным озерам, речкам, протокам таскается. Без него, что, колхозники план не выполняют?’

Эта фраза содержит исчерпывающую характеристику старого рыбака. Она вложена в уста его сына, который, конечно же, хорошо знает отца, но не устаёт удивляться его настырности и неутомимости в рыбном промысле. Для подчёркивания этих качеств деда-рыбака употреблены и экспрессивные глаголы: *а́нт хан-* ‘не сидится’, *таласыйл-* ‘таскаться’. Несомненно, особую роль в этом высказывании играет завершающий его риторический вопрос.

Всё вступление в целом знаменательно также в плане оценки деда как педагога: сам того не замечая, он исподволь, ненавязчиво готовит внука к взрослой жизни – жизни рыбака-охотника. Вообще, связь между разными поколениями у ханты зиждется именно на этом: старшие целеустремлённо и кропотливо обучают молодое поколение родовому ремеслу [15, 243–250].

Конечно, педагогом дед является стихийным, и его стратегия бесхитростна (но так и должно быть в семье). Опытный показ (молча, без слов), удивление своим личным примером (конкретным действием) – вот те приёмы, которые обычно используются в мужских делах у ханты. Разумеется, в ином обществе, иной обстановке подобные действия могут стать (и становятся) эффективными педагогическими методами [8; 9; 26; 27; 28; 29]. Впрочем, и в рассматриваемом нами рассказе есть эпизод, где один из героев, отец мальчика,

проявляет себя как настоящий педагог:

Ат мър лыв холуплал мулты арат пуи нух вантсалал па ямкем арат хул велсат. Алаң йира Петр нумас вермал, нёрума яңхты, вантты хуты сахат марах тывмал. ...

– Хэлантэ, пухие, – хания лупас Сантара асел, – хэн ма хув яңхты питлум па акен нумаса питл хуллал майты олаңн, сирн нәң акен хул вуты тахия туве. Туңматсән?..

– Туңматсэм! [13, 13–14].

‘За ночь они много раз проверяли сети и много рыбы выловили. Наутро Пётр решил на болото съездить, посмотреть, как уродилась морошка. ...

– Послушай, сынок, – тайком сказал Сантару отец, – если я долго буду ездить, а дед захочет сдать рыбу, тогда ты его к месту сдачи рыбы и свози. Понимаешь?..

– Понимаю!’

Как видим, сказано немного, поскольку героям всё ясно “по умолчанию”. Сантар понимает, что отец доверяет ему управление моторной лодкой, а дедушка, напротив, боится, что мальчик в этом возрасте может не справиться с таким серьёзным делом. Но Сантар и его отец знают, что ничего сложного здесь нет. Оставляя сына вдвоём с дедом, Пётр Михайлович даёт шанс младшему члену семьи проявить себя. При этом он почти наверняка знает, что Сантар справится с данным ему поручением. Действительно, всё так и происходит, как предполагал отец. Сам он задерживался, конечно, намеренно – ждал окончания (проверял действенность) своего эксперимента:

Хэн хуван валты сумтаң пай нумпийн хатл нух хатас, Микай Ойка тыштаты питас:

– Хув, хулты, Петр си яңхал, хуллал антал ша-клат.

Пирась ики самал айт пакас: айтәм па лув хопа лэлумтыйлмал, па турн эвалт верум хул лаңкуп айлта ий олңал эвалт каталман, нухлы-шак алмийлсаллэ па хуллал нух вантмал. Айтәм па Петр мәнум пант хуват сэмңал пуныйлалэ па хув ситы вантман, па еллы путармал:

– Хув си яңхал! Муйлал верал?

Сантар кетумты питсаллэ: акел хуллал олаңн шеңк тыша питты питас. Акел иса артн хул-лал ийлуптак плошкоута юхтуптыйлалэ. Лув хуллал плошкоута тотыйлалэ си артн, хэн нёхсюмлалн вур тайлат па хулат лыл рув тай-лат. Микай Ойка эвалт хулат иса артн олаңмит сортн вуийлсайт. Хул вуты хоятн, лув тэтьлюм хуллал нух па айт вантыйллайт, лыв мәстуман вэсат Микай икия.

Ийлатн пирась хэ самал айт пакас. Петр мәнум пант хуват пунантас. Си артн Сантар-моторал нух куркумсаллэ. Пирась ики мотор сый хэлмумал пуи, паста юхлы каремумал па хась на-варман хоп хоси пунанмал.

– Пайлыя, хилы, айлта, – лылал тәп лалман, ишакасллэ Сантар пирась ики, па иси пуляң хопал нык лукемаслэ па тухи лэлумтас.

– Хулат шакты кема си па си йилат. Петр яңхты мар мин йира кератлуман.

– Шоп, сит, аки, – нёхмас юхлы Сантар [13, 14–15]

‘Когда солнце переместилось на верхушки вы-соких берёз, Микай Ойка стал вздыхать:

– Как, долго так, Пётр ездит, как бы рыба не испортилась.

У старика сердце было не на месте: то заско-чит он в лодку, и, приподняв травяную покрыш-ку, рассматривает внимательно рыбу. То долго пристально вглядывается в ту сторону, куда уехал Пётр, потом тихонько говорит:

– Долго как ездит! Что он там делает?

Сантар стал догадываться: дед тревожится по поводу состояния рыбы. Дед рыбу на плашкоут всегда сдавал свежей. Он отвозил рыбу на плаш-коут в то время, когда ещё не засохла чешуя, и рыба ещё дышала. Рыбу у Микай Ойки всегда принимали первым сортом. Приёмщики рыбы привезённую им рыбу даже не смотрели, они полностью доверяли старику Микаю.

Сердце старика наконец не выдержало. Он был уже готов ехать за Петром. В этот момент Сантар и завёл мотор на лодке с рыбой. Старик, услышав шум мотора, быстро обернулся и при-пустил к лодке.

– Спокойней, племянник, медленней, – удер-живая дыхание, похвалил старик Сантара, потом столкнул лодку в воду и сам залез в неё.

– Рыба вот-вот начнёт портиться. Пока Пётр ездит, мы уже назад вернёмся.

– Это точно, дедушка, – произнёс в ответ Сан-тар’.

В этом эпизоде замечательно всё: сочетанием коротких реплик персонажей и точным указани-ем их действий описывается и нетерпение деда, и уверенность мальчика, самостоятельно заво-дящего мотор. Нашлось место и словам автора о всегдашней ответственности старого рыбака в деле сдачи улова на плашкоут.

Вообще, реплики героев играют исключи-тельно важную роль в тексте рассказа. Большин-ство из них или содержат оценку кого-либо, или с той или иной стороны характеризуют самого

говорящего человека. Часто эти реплики включают устойчивые сочетания со словом **вер** ‘дело’:

– *Рутьсялат на сялта еллы мәнлат. Щиты, пух, верат си вёллийлат* [13, 9] ‘Отдохнут и потом дальше идут. Так вот, сынок, дела и **бывают**’.

– *Ма вантэмн, нын ма тумпеман верлан яма мәнлат, – ай няха вуситуман, лупас Петр* [13, 15] ‘Я смотрю, у вас и без меня дела **хорошо** идут, – добродушно посмеиваясь, сказал Пётр’.

– *Няң иси на нэпекаң хё, си лаварт, вён верат сора ухена вуллан. Щит ям вер* [13, 17] ‘Ты, однако, грамотный человек, эти сложные дела **быстро познаешь** (букв.: в голову берёшь). Это хорошо (букв.: **хорошее дело**)’.

– *Ма нёмаслум, няң мотор манэма уша паватлан. Тәм вер өхтыйн нумасн мәнлэн. Па щялта моторан тотьляты верен нумаса йнт рәхал...* [13, 17] ‘Я думаю, что ты научишь меня обращаться с мотором. Этому делу **обучишь** меня. А если (у меня) ездить на моторе **дело не пойдёт**...’

– *Няң сиренан ма лёлаң елан ат омассум? Ма самем сит пела йнт вёл. Хён хоят сёмал кеман мулты верл, сирн самал амата ийл на ухала арсыр атум нумсат йнт юхатлат* [13, 7] ‘По-твоему, я дома должен сидеть? Моё **сердце** к этому **не лежит**. Когда человек, **по своим возможностям**, что-то **делает**, тогда его **сердце радуется**, и в голову разные плохие мысли не приходят’.

Конечно, кроме приведённых образцов, в хантыйском языке представлено много других слов и оборотов, употребление которых позволяет рассказать о приверженности человека делу жизни, о его трудолюбии, целеустремленности, добросовестности. Например, о своём призвании можно сказать так:

– *Па сялта ма хул велты хоята тывсум. Йиңк – там ма лылэм* [13, 9] ‘И потом, я ведь **родился рыбаком**. Вода – это моя жизнь’.

Синонимичной приведённой является следующая фраза:

Ал омасты там ики йнт ханл [13, 19] ‘**Просто так сидеть** этот человек **не умеет**’.

Преимственность поколений людей, желающих трудиться, быть полезными обществу именно в этом качестве, ярко выражена в заключительном диалоге книги, посвящённой рыбакам:

– *Сантар, няң на муя няң вулаңен пирась ики омсуптасэн ропитты? Сыры няң луват тотьясэн, а интам пирась ики мотор тотьяты лэсятсэн.*

Сантар елы няхман лупас:

– *Ма хон омсуптасэм. Лув, лув нумас вермал*

моториста волты. А ма космонавта питлум [13, 19]

‘– Сантар, а почему ты вместо себя старика заставил работать? Раньше ты его возил на лодке, а теперь старого человека посадил за руль.’

Сантар со смехом отвечал:

– Я не заставлял его. Он сам решил быть мотористом. А я космонавтом буду’.

По этим фрагментам текста видно, что каждый признак значимой единицы хантыйского языка находится в сложной взаимозависимости с другими соотносящимися признаками. Концептуальность текста, его “внутренняя форма”, его сущность проявляется в изоморфизме: в том, что общие свойства и закономерности объединяют единицы разной сложности. Другими словами, слова в тексте “подогнаны” друг к другу.

Обсуждение и заключение

Итак, в результате исследования была обнаружена несомненная связь между идеей высказывания (или текста) и набором использованных средств, т.е. той языковой формой, в которой идея воплощена. В речи эта связь осуществляется незаметно и достаточно простыми средствами: дело происходит так в силу предельной прагматичности самой речи и решающей роли интонации. В тексте (публицистическом, художественном) к выражению идеи подключаются дополнительные средства (часто – специальные и образные).

Далее, очевидно, что выражение идейной направленности текста в достаточной степени систематизировано. Эта системность, как видно из приведённых примеров, проявляется многообразно – как в отборе лексико-семантических вариантов многозначных слов, выборе экспрессивных элементов, так и в употреблении, в определённых случаях, специальных синтаксических конструкций.

Эта же системность реализуется и в членении текста на разные по стилистике линейные группировки: в данном рассказе мы наблюдаем и собственно повествование, и отрывки, в которых “преобладает” автор (внося свои рассуждения), и диалоги персонажей. В каждом из этих фрагментов имеются единицы, которые более других “работают” на общую идею.

Среди этих единиц важную, иногда – определяющую, роль играют интонационно насыщенные реплики, характерные для разговорного варианта хантыйского языка. Наиболее ярким примером служит восклицание старого рыбака в

ситуации тщетного ожидания возвращения сына: *Хув си яңхал! Муйлал верал?* ‘Долго как ездит! Что он там делает?’

Таким образом, главная идея рассказа Г. Д. Лазарева – создать цельный образ ханты – человека-труженика, рыбака. Выявляется достаточно много средств хантыйского языка, семантический потенциал которых позволяет выразительно и точно рассказать о людях, которые воплощают этот образ. Наиболее яркими

из них являются интонационные (реплики персонажей, восклицания автора), синтаксические (обобщенно-личные предложения, конструкции с повторами), лексические (слова, специально отобранные для точной характеристики персонажа, описания его действий и переживаний). В целом рассказ “Сорненг тов” является образцом работы автора по поиску точных изобразительных форм, средств, помогающих “вылепить” тот или иной яркий образ.

Список источников и литературы

1. Бурыкин А. А., Соловар В. Н. Семантика proverbа *HUX* и его роль в изменении валентности глагола (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 17–27.
2. Водясова Л. П. Описание как функционально-смысловой тип речи, его виды и роль в художественном тексте // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 417–426. DOI: <http://dx.doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-3-417-426> (дата обращения: 24.03.2020).
3. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарева, С. В. Онина, А. А. Шиянова; под общей ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
4. Каксин А. Д. О вводных средствах выражения модальности в хантыйском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 2 (4). С. 9–16.
5. Каксин А. Д. О табу и подставных названиях в хантыйском и хакасском языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 1 (11). С. 45–52.
6. Кашкин Е. В. Глаголы с семантикой закрывания и открывания в западных говорах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 4 (18). С. 16–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2017-4-16-28> (дата обращения: 24.03.2020).
7. Кибрик А. А. Виктор Алексеевич Виноградов, “Языки мира” и итоговый сборник // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 11–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-11-14> (дата обращения: 24.03.2020).
8. Кожевникова М. Н. Проблема созерцания и созерцательные практики в образовании // Science for Education Today. 2019. Т. 9. № 5. С. 72–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1905.05> (дата обращения: 24.03.2020).
9. Кожевникова М. Н. Самоосвобождение учителя: гуманитарная рефлексия и критическое педагогическое мышление // Социология образования. 2017. № 6. С. 103–109.
10. Кононова С. П. Русско-хантыйский тематический словарь: Казымский диалект. СПб.: Просвещение, 2002. 216 с.
11. Косинцева Е. В. Образ Праведника в прозе Р. П. Ругина // Вестник угроведения. 2012. Т. 2. № 2. С. 42–49.
12. Кошкарева Н. Б. Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка: Часть первая. Синтаксические связи. Новосибирск: Любава, 2005. 334 с.
13. Лазарев Г. Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1999. 36 с.
14. Миляхова Ю. Г., Соловар В. Н. Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека (на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2013. Т. 3. № 2. С. 44–49.
15. Онина С. В. «Отцы и дети»: спектр отношений между поколениями ханты // Этнокультурное и социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера: Материалы Международной научной конференции. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2013. С. 241–253.
16. Сенгепов А. М. Касум ики путрат. Рассказы старого ханты. СПб.: Просвещение, 1994. 175 с.
17. Соловар В. Н. Возраст в семантическом пространстве образа человека как компонент языковой картины мира хантов (на материале казымского диалекта) // Вестник угроведения. 2011. Т. 1. № 4. С. 56–60.
18. Соловар В. Н., Молданова Е. С. Номинации человека по внутренним параметрам (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2011. Т. 1. № 3. С. 33–37.
19. Сязи В. Л. Сравнения с ихтиологическим компонентом как средство создания образа в прозе Р. П. Ругина // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 309–316. DOI: <http://dx.doi.org/10.30624/2220-4156-2018-8-2-309-316> (дата обращения: 27.03.2020).

20. Цыпанов Е. А. Переход имён собственных в нарицательные в коми языке // *Linguistica Uralica*. 2018. Vol. 54, Issue 2. Pp. 118–128. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2018.2.04> (дата обращения: 27.03.2020).
21. Цыпанов Е. А. Развитие семантики слов коми ПОЗ, удм. ПУЗ в пермских языках // *Linguistica Uralica*. 2018. Vol. 54, Issue 1. Pp. 31–39. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2018.1.03> (дата обращения: 27.03.2020).
22. Чепреги Марта. Выражение субъективной модальности в сургутском диалекте хантыйского языка // *Вестник угроведения*. 2014. Т. 4. № 1. С. 88–98.
23. Черемисина М. И. Состояние языка как показатель состояния духовной культуры народности // Предложение как единица языка и речи: Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2019. С. 4–11.
24. Чертыкова М. Д. «Вера» и «достоверность» сквозь призму зрительного кода (на материале хакасского языка) // *Логический анализ языка: Понятие веры в разных языках и культурах*. М.: Гнозис, 2019. С. 198–207.
25. Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty // *Linguistica Uralica*. 2014. Vol. 50, Issue 3. Pp. 199–211. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2014.3.04> (дата обращения: 27.03.2020).
26. Ergas O. The deeper teachings of mindfulness-based “interventions” as a reconstruction of ‘education’ // *Journal of Philosophy of Education*. 2015. Vol. 49 (2). Pp. 203–220. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12137> (дата обращения: 27.03.2020).
27. Forrest M. Practicing silence in teaching // *Journal of Philosophy of Education*. 2013. Vol. 47 (4). Pp. 605–622. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12043> (дата обращения: 27.03.2020).
28. Ollin R. Silent Pedagogy and Rethinking Classroom Practice: Structuring Teaching through Silence Rather than Talk // *Cambridge Journal of Education*. 2008. Vol. 38, Issue 2. Pp. 265–280. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057640802063528> (дата обращения: 27.03.2020).
29. Schinkel A. The educational importance of deep wonder // *Journal of Philosophy of Education*. 2017. Vol. 51 (2). Pp. 538–553. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12233> (дата обращения: 27.03.2020).
30. Steinitz W. *Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1994. 2019 p.

References

1. Burykin A. A., Solovar V. N. *Semantika preverba NUH i ego rol' v izmenenii valentnosti glagola (na materiale kazym'skogo dialekta hantyjskogo yazyka)* [Semantics of the preverb NUH and its role in changing the valence of the verb (on the material of the Kazym dialect of the Khanty language)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, no. 7 (4), pp. 17–27. (In Russian)
2. Vodyasova L. P. *Opisanie kak funkcional'no-smyslovoj tip rechi, ego vidy i rol' v hudozhestvennom tekste* [Description as a functional-sense type of speech, its types and role in the artistic text]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (3), pp. 417–426. DOI: <http://dx.doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-3-417-426> (accessed March 24, 2020). (In Russian)
3. Valgamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shiyanova A. A. *Dialektologicheskij slovar' hantyjskogo yazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekty)* [Dialectological dictionary of the Khanty language (the Shuryshkar and Priural dialects)]. Ed by N. B. Koshkareva. Yekaterinburg: Basco Publ., 2011. 208 p. (In Russian)
4. Kaksin A. D. *O vvodnyh sredstvakh vyrazheniya modal'nosti v hantyjskom yazyke* [About introductory means of expression of modality in the Khanty language]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies], 2014, no. 2 (4), pp. 9–16. (In Russian)
5. Kaksin A. D. *O tabu i podstavnyh nazvaniyah v hantyjskom i hakasskom yazykah* [About taboo and fictitious names in the Khanty and Khakass languages]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies], 2016, no. 1 (11), pp. 45–52. (In Russian)
6. Kashkin E. V. *Glagoly s semantikoj zakryvaniya i otkryvaniya v zapadnyh govorah hantyjskogo yazyka* [Verbs with semantics of closing and opening in the Western dialects of the Khanty language]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies], 2017, no. 4 (18), pp. 16–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2017-4-16-28> (accessed March 24, 2020). (In Russian)
7. Kibrik A. A. *Viktor Alekseevich Vinogradov, «Yazyki mira» i itogovyy sbornik* [Victor Alekseyevich Vinogradov, «Languages of the world» and final collection]. *Voprosy psicholingvistiki* [Psycholinguistics Issues], 2019, no. 1 (39), pp. 11–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-11-14> (accessed March 24, 2020). (In Russian)
8. Kozhevnikova M. N. *Problema sozercaniya i sozercatel'nye praktiki v obrazovanii* [The problem of contemplation and contemplative practices in education]. *Science for Education Today* [Science for Education To-

day], 2019, no. 9 (5), pp. 72–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.1905.05> (accessed March 24, 2020). (In Russian)

9. Kozhevnikova M. N. *Samoosvobozhdenie uchitelya: gumanitarnaya refleksiya i kriticheskoe pedagogicheskoe myshlenie* [Teacher self-release: humanitarian reflection and critical pedagogical thinking]. *Sociologiya obrazovaniya* [Sociology of Education], 2017, no. 6, pp. 103–109. (In Russian)

10. Kononova S. P. *Russko-hantyjskij tematicheskij slovar': Kazymskij dialect* [Russian-Khanty thematic dictionary: the Kazym dialect]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie Publ., 2002. 216 p. (In Russian)

11. Kosintseva E. V. *Obraz Pravednika v proze R. P. Rugina* [Image of the Righteous man in the prose of R. P. Rugin]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2012, no. 2 (2), pp. 42–49. (In Russian)

12. Koshkareva N. B. *Ocherki po sintaksisu lesnogo dialekta neneckogo yazyka: Chast' pervaya. Sintaksicheskie svyazi* [Essays on the syntax of the Forest dialect of the Nenets language: Part One. Syntactic links]. Novosibirsk: Lyubava Publ., 2005. 334 p. (In Russian)

13. Lazarev G. D. *Sorneng tov. Rasskaz na yazyke hanty* [The Gold Horse. Story in the Khanty language]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist Publ., 1999. 36 p. (In Russian)

14. Milyakhova Yu. G., Solovar V. N. *Nacional'no-kul'turnye osobennosti yazykovykh edinic sfery psihoemotional'nogo sostoyaniya i povedeniya cheloveka (na materiale shuryshkarskogo i kazymskogo dialektov hantyjskogo yazyka)* [National-cultural features of linguistic units of the sphere of psych-emotional state and human behavior (on the material of the Shuryshkar and Kazym dialects of the Khanty language)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2013, no. 3 (2), pp. 44–49. (In Russian)

15. Onina S. V. «*Otcy i deti*»: *spektr otnoshenij mezhdru pokoleniyami hanty* [«Fathers and Children»: the Spectrum of relations between Khanty generations]. *Etnokul'turnoe i social'no-ekonomicheskoe razvitie korennykh malochislennykh narodov Severa: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Ethno-cultural and socio-economic development of the indigenous peoples of the North: Materials of the International Scientific Conference]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Khanty-Mansijsk Publ., 2013. pp. 241–253. (In Russian)

16. Sengepov A. M. *Kasum iki putrat. Rasskazy starogo hanty* [Kasum iki putrat. Stories by the old Khanty man]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie Publ., 1994. 175 p. (In Russian)

17. Solovar V. N. *Vozrast v semanticheskom prostranstve obraza cheloveka kak komponent yazykovoj kartiny mira hantov (na materiale kazymskogo dialekta)* [Age in the semantic space of human image as a component of the language picture of the world of the Khanty (on the material of the Kazym dialect)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2011, no. 1 (4), pp. 56–60. (In Russian)

18. Solovar V. N., Moldanova E. S. *Nominacii cheloveka po vnutrennim parametram (na materiale kazymskogo dialekta hantyjskogo yazyka)* [Nominations of a person according to internal parameters (on the material of the Kazym dialect of the Khanty language)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2011, no. 1 (3), pp. 33–37. (In Russian)

19. Syazi V. L. *Sravneniya s ihtologicheskimi komponentami kak sredstvo sozdaniya obraza v proze R. P. Rugina* [Similes with the name of the fish component as a means of creating an image in the prose of R. P. Rugin]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (2), pp. 309–316. DOI: <http://dx.doi.org/10.30624/2220-4156-2018-8-2-309-316> (accessed March 27, 2020). (In Russian)

20. Tsypanov E. A. *Perekhod imen sobstvennykh v naricatel'nye v komi yazyke* [Transition of proper names to common in the Komi language]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2018, no. 54 (2), pp. 118–128. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2018.2.04> (accessed March 27, 2020). (In Russian)

21. Tsypanov E. A. *Razvitie semantiki slov komi POZ, udm. PUZ v permskikh yazykakh* [Development of semantics of Komi words POZ, Udmurt PUZ in the Perm languages]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2018, no. 54 (1), pp. 31–39. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2018.1.03> (accessed March 27, 2020). (In Russian)

22. Chepregi M. *Vyrazhenie sub'ektivnoj modal'nosti v surgutskom dialekte hantyjskogo yazyka* [Expression of subjective modality in the Surgut dialect of the Khanty language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2014, no. 4 (1), pp. 88–98. (In Russian)

23. Cheremisina M. I. *Sostoyaniye yazyka kak pokazatel' sostoyaniya duhovnoy kul'tury narodnosti* [State of the language as an indicator of the state of spiritual culture of the nation]. *Predlozhenie kak edinica yazyka i rechi: Materialy Vserossiyskogo nauchnogo simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem* [Sentence as a unit of language and speech: Materials of the All-Russian Scientific Symposium with international participation]. Novosibirsk: Institut filologii SO RAN Publ., 2019. pp. 4–11. (In Russian)

24. Chertykova M. D. «*Vera*» i «*dostovernost'*» skvoz' prizmu zritel'nogo koda (na materiale hakasskogo yazyka) [«Faith» and «credibility» through the prism of visual code (on the material of the Khakass language)]. *Logicheskij analiz yazyka: Ponyatie very v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Logical analysis of language: the concept of Faith in different languages and cultures]. Moscow: Gnozis Publ., 2019. pp. 198–207. (In Russian)

25. Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty. *Linguistica Uralica*, 2014, no. 50 (3), pp. 199–211. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2014.3.04> (accessed March 27, 2020). (In English)

26. Ergas O. The deeper teachings of mindfulness-based “interventions” as a reconstruction of ‘education’. *Journal of Philosophy of Education*, 2015, no. 49 (2), pp. 203–220. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12137> (accessed March 27, 2020). (In English)
27. Forrest M. Practicing silence in teaching. *Journal of Philosophy of Education*, 2013, no. 47 (4), pp. 605–622. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12043> (accessed March 27, 2020). (In English)
28. Ollin R. Silent Pedagogy and Rethinking Classroom Practice: Structuring Teaching through Silence Rather than Talk. *Cambridge Journal of Education*, 2008, no. 38 (2), pp. 265–280. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057640802063528> (accessed March 27, 2020). (In English)
29. Schinkel A. The educational importance of deep wonder. *Journal of Philosophy of Education*, 2017, no. 51 (2), pp. 538–553. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12233> (accessed March 27, 2020). (In English)
30. Steinitz W. *Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1994. 2019 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каксин Андрей Данилович, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (655017, Российская Федерация, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 90), доктор филологических наук.
adkaksin@yandex.ru
ORCID.ORG: 0000-0001-9632-8286

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Kaksin Andrey Danilovich, Leading Researcher, Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, Katanov State University of Khakassia (655017, Russian Federation, Republic of Hakassia, Abakan, Lenina st., 90), Doctor of Philological Sciences.
adkaksin@yandex.ru
ORCID.ORG: 0000-0001-9632-8286